

ОППОЗИТИВЫ КАК АТТРИБУТ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

З.Н. Афинская (Москва, Россия)

Дихотомическое мышление (сопоставление контрастных понятий) характерно для научного дискурса, дуализм которого задан современным научным мышлением и где встречаются такие оппозитивы, как «микро – макро, твердое – жидкое, неизменное – текучее, геометрия – алгебра, субстанция – отношение» [Визгин 1976:85] и т.п. В категорию оппозитивов можно отнести контрастные понятия в сфере гуманитарных наук, например, рост и кризис в экономике, синонимия/антонимия в лексикологии, слова и вещи, согласно М.Фуко. В статье рассматривается оппозитив жара/холод в философии Монтескье и в культуре XX века.

Ключевые слова: *климат, темперамент, общество, культура, Монтескье*

OPPOSITELY AS AN ATTRIBUTE OF SCIENTIFIC DISCOURSE

Z. Afinskaya (Moscow, Russia)

Dichotomous thinking (the juxtaposition of contrasting concepts) is typical for scientific discourse, dualism is the modern scientific way of thinking and where there are such oppositely as “micro, macro, solid – liquid, constant and fluid, geometry – algebra, the substance – relation” [Vizgin 1976:85] etc. In the category of opposition can be attributed to the contrasting concepts in the Humanities, for example, growth and crisis in the economy, synonymy/antonymy in lexicology, words and things, according to M. Foucault. The article discusses opposites heat/cold in the philosophy of Montesquieu and the culture of the twentieth century.

Keywords: *climate, temperament, society, culture, and Montesquieu*

Антитеза *холод/жара* приобрела концептуальный статус научной доктрины в философии Просвещения. Научный интерес к природе, установление фундаментального единства природы и человека, природы и человека социального – эти идеи стали основополагающими в философии Просвещения. Теория влияния *тепла* и *холода* на психологию отдельной личности и темперамент народов был сформулирован в виде научной доктрины Монтескье (1689–1755), основоположником социологии, автором нескольких литературных произведений и знаменитого трактата «О духе законов» (*De l'esprit des lois*, 1748). Географические открытия XVII века, знакомство с различными природными зонами и явлениями, с другой, обостряли интерес к явлению разнообразия в природе. Заимствуя у выдающихся медиков XVII века идею влияния *холода* и *тепла* на организм человека (медицина в пред-научную эпоху занимала ведущие позиции в системе наук), Монтескье в трактате «О духе законов» изложил свою *теорию климатов* в преломлении к организации общества в разных странах. Это была попытка осмыслить общественные отношения на основании законов, которые, подобно физическим законам, выявляли бы закономерности, вытекающие из самой природы человека и среды его обитания. Он выдвинул гипотезу о том, что природа оказывает существенное значение не только на характер и темперамент личности, но и на общество в целом, на страну и ее государственное устройство: «Plusieurs choses gouvernent les hommes : le climat, la religion, les lois, les maximes du gouvernement, les exemples des choses passées, les mœurs, les manières ; d'où il se forme un esprit général qui en résulte» [Montesquieu: 329] («Многие причины управляют людьми: климат, религия, законы, государственные установления, исторические примеры, нравы и обычаи». – Пер. З.А.) Климат – главная причина разнообразия общественных установлений, «первая из всех империй» («le premier de tous les empires» [Montesquieu: 336].

В холодной атмосфере, по Монтескье, сжимаются все фибры, что увеличивает их рессорную способность, их прочность, благоприятствует приливу крови к сердцу, отчего укрепляется весь организм. Теплый воздух, напротив, расслабляет мышцы, которые растягиваясь, ослабляют весь организм. Поэтому в холодном климате у человека сохраняется больше сил и энергии, что должно выражаться в его большем мужестве, самообладании, уверенности в себе, в чувстве собственного превосходства, а также в меньшей подозрительности, меньшей хитрости. Жаркий и теплый климат, напротив, способствует развитию противоположных качеств. В холодных странах люди, по Монтескье, меньше расположены к удовольствиям, они менее чувствительны. В качестве примера Монтескье ссылается на выносливость «московитов», породив тем самым один из французских стереотипов о России и русских: «Il faut écorcher un Moscovite pour lui donner du sentiment» (*Нужно ободрать кожу с Московита, чтобы пробудить его чувства* – пер. З.А.) [Montesquieu: 375].

Разные темпераменты, утверждает Монтескье, порождают разное понимание законов. Так, образ сжимающейся материи в холодном климате и, напротив, расширяющейся материи, т. е. расслабленной, в жарком климате, позволяет Монтескье сделать вывод о том, что *расслабленность* (*la lâcheté* – синоним *трусости*) южан превращает их почти всегда в рабов, а северяне остаются свободными благодаря нервам, сжатым как пружина и волевым качествам.

Следует помнить о том, что философия Монтескье сформировалась в эпоху активных колониальных завоеваний, когда Франция столкнулась с необходимостью их морального оправдания колониальной политики, а также с необходимостью осмыслить новые социальные контакты и противоречия, возникшие в результате колониальной политики. Главной оппозицией в плане психологической и социальной характеристик у Монтескье является образ *хозяина* (владеющего своей психикой и, следовательно, подчиняющего своей воли других) и *раба* (раба своих собственных чувств и подчиняющегося воли хозяина). Люди севера – активные, мужественные, находясь в состоянии постоянного напряжения воли и чувств, подобны сжатой пружине; их занятия – охота, войны, но и неумеренное питание: «Un Allemand boit par coutume, un Espagnol par choix («Немец пьет по привычке, Испанец осознанно. – Пер.З.А.)» [Montesquieu: 382].

Человеку севера противостоят южане, находящиеся во власти своих страстей, ревности, зависти, подозрения, но и с развитым чувством воображения. Они обречены на пассивность, воплощенную в женской природе, они *изнежены* и обречены на подавление, так как не могут подавить собственные желания. Развивая логику бинарной оппозиции, Монтескье выдвигает оригинальное осмысление демографических показателей: у северных народов-воинов рождается больше мальчиков, а у изнеженных южан – больше девочек.

Монтескье устанавливает параллель между управлением семьей, домом и политикой. В политике реализуется мужское начало в виде принципа господства и подавления, а хитрость, которая сродни женскому характеру, – удел слабых правителей. Политическим средством преодоления этого качества может быть, по Монтескье, только деспотизм, характерный для южных народов.

Монтескье сформулировал постулаты своей *теории климатов*, опираясь на собственные наблюдения и во многом на мифы и стереотипы, бытующие во французском обществе. Его целью было объяснение на основе объективных фактов (климатических различий) субъективных начал, социального устройства разных стран: «если действительно характер ума и страстей различны в разных климатах, то законы должны соответствовать различию в нравах и характерах» (« S'il est vrai que le caractère de l'esprit et les passions du cœur soient extrêmement différents dans les divers climats, les lois doivent être relatives et à la différence de ces passions, et à la différence de ces caractères. » [Montesquieu: 245]

Вера в прогресс науки и общества, основанного на научных законах, позволила Монтескье расширить границы научного знания, заложив основы будущей социологии и антропологии. Но в его теории климатов, как полагает Пьер Бурдьё, все еще просматривалась мифологическая подоснова, комплекс аргументов и оппозиций, основанных на мифических представлениях: «une coérence proclamée, d'allure scientifique, qui s'affirme par la multiplication des signes extérieurs de la scientificité, et une cohérence cachée, mythique dans son principe» («заявленная логика, наукообразная, которая утверждается за счет приумножения внешних признаков научности, и скрытая логика, мифическая по своему принципу» – пер. З.А.). [Bourdieu: 332]

Заслугой Монтескье является, по Бурдьё, возможность проектировать на науку мифы, бытующие в обществе, установилась традиция переноса биологических и физических законов на общественные взаимоотношения ради построения научных догм. [Bourdieu: 335–342] Французская Академия в 1743 г. предложила в качестве конкурсного задания тему «La différence des climats où les hommes naissent contribue-t-elle à celle de leurs esprits?» И с тех пор, – то затухая, то разгораясь вновь – споры вокруг проблемы влияния климата на деятельность человека в самых ее разных проявлениях не прекращаются в научном сообществе.

Идеи Монтескье, изложенные им в трактате «О духе законов», распространились по всей Европе. В России уже в начале XIX века теория влияния климата на развитие творческих личностей была подвергнута критике писателем и историком Н.М. Карамзиным (1776–1826). В своих раздумьях о будущем литературного творчества в России «Отчего в России мало авторских талантов?» он подчеркивает разный менталитет у русских и французов, разные стереотипы мышления, как сказали бы сегодня: «Если мы предложим сей вопрос иностранцу, особливо французу, то он, не задумавшись, будет отвечать: «От холодного климата». Со времен Монтескье все феномены умственного, политического и нравственного мира изыскаются климатом». [Русская критика XVIII–XIX веков: 27] Карамзин совершенно справедливо отмечает особенности географического расположения России, которое не позволяет отнести ее ни к *холодным*, ни к *жарким* странам: «Но Москва не Камчатка, ни Лапландия; здесь солнце так же лучезарно, как и в других землях; так же есть весна и лето, цветы и зелень. Правда, что у нас холод продолжительнее; но может ли действие его на человека, столь умеренное в России придуманными способами защиты, вредить дарованиям? И вопрос кажется смешным». [Русская критика XVIII–XIX веков: 28] «Скорее жар, расслабляя нервы (сей непосредственный орган души), уменьшит ту силу мыслей и воображения, которая составляет талант». [Русская критика XVIII–XIX веков: 28] Карамзин дискутирует с Монтескье, опираясь на факты европейской истории культуры, которая возникла и упрочила свое влияние в мире талантами многих авторов, родившихся как в южной части Европы, так и в северной. Таланты помогают «согражданам *лучше мыслить и говорить*... Все великие народы любили и любят таланты;... греки, рим-

ляне, французы, англичане, немцы не славились бы умом своим, если бы они не славились талантами... [Русская критика XVIII–XIX веков:28] Россия, несмотря на устойчивый стереотип «холодной страны», обладает большим культурным потенциалом. Преодоление отставания в развитии гражданского общества будет способствовать, как полагает Карамзин, развитию культуры, появлению талантливых авторов и ученых: «У нас, конечно, менее авторских талантов, нежели у других европейских народов; но мы имели, имеем их, и, следственно, природа не осудила нас удивляться им только в чужих землях». [Русская критика XVIII–XIX веков: 28]

В XX веке антитеза «холодно-горячо» получила новое осмысление в антропологии. Так, К.Леви-Стросс выдвинул гипотезу о делении культур на «холодные» (хранящие канонические тексты) и «горячие» (в которых постоянно создаются новые тексты). Холод символизирует возможности *сохранения, консервации*, а тепло обладает *творческой, созидательной* силой. «Холодные» культуры, хранилище древних мифов и обрядов, не менее ценны и важны для истории культуры, чем так называемые «горячие», требующие для своего выражения постоянного «горения» творца, художника, мыслителя или ученого. [Гульга: 276]

Развивая идеи Леви-Стросса, Вяч.Вс. Иванов отмечает, что современному обществу присущ тип «горячей культуры» независимо от географических границ: «В «холодных» культурах, к которым принадлежат все архаические культуры и пласты «неофициальной» карнавальной культуры внутри традиций нового времени, установка делается на возможно более точную передачу во времени основных текстов, в частности мифологических и фольклорных... Напротив, в «горячих» культурах, к которым принадлежат все европейские (и позднее втянутые в их орбиту неевропейские) после Возрождения, в особенности начиная с победы рационального научного мышления в XVII–XVIII вв., основная установка заключается не в сохранении уже существующего текста, а в создании нового текста, который должен быть принципиально отличен от всех ранее существовавших и соответственно несет максимальное количество информации в статистическом смысле» [Иванов, Вяч. Вс: 9]. В этих идеализированных схемах существуют, разумеется, отклонения: «В «горячей» культуре не только писатель, чьи тексты давно включены в число канонических, с каждым следующим продвижением внутри культуры истолковывается заново: самое число таких писателей и их текстов подвижно, каждая эпоха включает новых авторов, иногда исключая других». [Иванов, Вяч. Вс.: 10]

Как видим, в антропологии происходит в определенной мере «демифологизация» антитезы *холодно/горячо*. Леви Стросс выстроил свою бинарную систему культур, используя энергетические, т.е. физические характеристики *холода* и *тепла*. Именно отказ от оценочных характеристик позволил ему раскрыть специфику традиционных жанров и особенности европейской литературы, музыки и живописи, возникшей на почве философии Просвещения.

Сравнение устойчивых концептуальных значений оппозитива *холод/жара* в русском и французском языках показывает, что в русском языке их бинарность выстраивается по восходящей линии – от низкой температуры к более высокой (*холод/тепло*). Во французской ментальности более привычно воспринимать эту антитезу по убывающему градусу температуры – *chaud/ froid*. В таком же регистре существуют фразеологизмы и устойчивые выражения: *cela ne me fait ni chaud ni froid* (Ср. мне от этого ни холодно, ни жарко); *un chaud et froid* (Ср. – бросает то в жар, то в холод). [Le, Petit LAROUSSE illustré].

Выводы

1. Антонимическая пара (*холодно/горячо, chaud/froid*) закрепляет в языке некие осознанные и неосознанные стереотипы, которые, в свою очередь, с одной стороны, опираются на мифы, а, с другой, служат импульсом для формирования научных постулатов. Совместимость этих признаков имеет и реальный, и вероятностный, относительный, воображаемый характер. Метафорические выражения на основе оппозитивных лексем, порожденные мифом или приобретающие таковой статус благодаря развитию культуры, позволяют выразить ярко и убедительно контрастные идеи, но, по сути дела, ни в языке, ни в мышлении абсолютные контрасты не реализуются полностью. Степень их оппозитивности варьируется, фиксируясь в разных стереотипах, которые, в свою очередь, становятся объектом научного осмысления. Их взаимосвязанность – следствие того, как мы воспринимаем окружающий мир, сквозь призму укоренившихся в сознании образов, сквозь призму мифа.

Список литературы

- [1] Визгин В.П. Эпистемология Гастона Башляра и история науки. – М.: ИФРАН, 1996.
- [2] Гульга А.В. Миф как философская проблема // Сб. статей «Античная культура и современная наука» / пред. ред. коллегии Б.Б. Пиотровский. – М.: Наука, 1985. – С.271–275.
- [3] Иванов Вяч. Вс. О взаимоотношении динамического исследования эволюции языка, текста и культуры // Сб. «Исследования по структуре текста» / отв. ред. Т.В. Цивьян. – М.: Наука, 1987, 526 с.
- [4] Русская критика XVIII–XIX веков. Хрестоматия. – М.: Просвещение, 1978.
- [5] Bourdieu P. Langage et pouvoir symbolique. – Paris: Fayard, 2001.
- [6] Montesquieu. De l'esprit des lois I, Troisième Partie. Livre XIV «Des lois, dans le rapport qu'elles ont avec la nature du climat». – Paris: Flammarion, 1979. – 505 p.
- [7] Le Petit LAROUSSE illustré. – Paris: LAROUSSE, 2007.